

УДК 398(=511.131)

Т. Г. Владыкина, Т. И. Панина

УДМУРТСКАЯ НАРОДНАЯ ПРОЗА О КЛАДАХ*

В статье представлены результаты анализа удмуртской сказочной и несказочной прозы о кладах. Работа выполнена в рамках синхронно-диахронного подхода с привлечением опубликованных трудов удмуртских, русских и зарубежных исследователей XVIII–XXI вв., архивных данных и полевых материалов авторов. Разножанровый корпус фольклорных текстов исследован как единая художественная система, в основе которой лежат традиционные представления о природе клада. Установлено, что основной корпус проанализированных удмуртских сюжетов составляют мифологические рассказы о заветных и проклятых кладах. Описаны места и способы сокрытия клада, выявлены традиционные заветы-прескрипции, условия овладения кладом. Рассмотрены наиболее распространенные сюжетные группы повествований. Особое внимание уделено сюжетам о являющихся кладах, в которых клад представлен как самостоятельный мифологический персонаж, способный принимать различные облики. Выявлено, что обладателями несметных сокровищ и хранителями клада чаще всего выступают духи – хозяева окружающего пространства. Установлены факторы, обуславливающие широкое распространение сюжетов о проклятых кладах в удмуртской культуре. Проведены типологические параллели с традиционными культурами других народов, в частности славянских и финно-угорских.

Ключевые слова: удмуртский фольклор, клад, хранители кладов, заветные клады, проклятые клады, явленные клады, заветы-прескрипции.

Рассказы о кладах – яркий пример жанрово-тематического разнообразия устной народной прозы, а также один из ценных источников для получения информации о мифологических представлениях этноса. Тема клада и кладоискательства в русской фольклорной традиции затронута в исследованиях В. К. Соколовой [1970] и Н. А. Криничной [1977], обративших внимание на контаминированный характер жанрового состава текстов о кладах; однако наибольшую разработанность проблема получила в работах Н. Е. Котельниковой [1996, 1999, 2004, 2005, 2006, 2009, 2015, 2016].

* Исследование осуществлено в рамках реализации гранта РФФИ «Предметные реалии удмуртской этнокультуры» (№ 16-34-00026).

Актуальность настоящей работы обусловлена отсутствием специальных исследований, посвященных удмуртской народной прозе о кладах и кладоискательстве. Исключением являются работы Ю. В. Приказчиковой по изучению исторической прозы Вятского края, представленной финно-угорской, русской и тюркской традициями [Приказчикова 2002, 2009]. В соответствии с целью исследования – комплексного анализа полиэтнической прозы единого в историко-этнографическом отношении региона – выводы, полученные исследователем в ходе изучения повествований о кладах, отражают общую картину представлений, характерную для всех культур Вятского края, без выявления этнических различий. В качестве образцов устных рассказов, характеризующих удмуртскую традицию, Ю. В. Приказчикова приводит записи исследователей кон. XIX в. (Г. Е. Верещагина, Н. Г. Первухина, Ф. В. Стрельцова), опубликованные труды которых – это практически единственный источник информации о кладах в несказочной прозе того периода. Более того, и на сегодня они составляют основной фонд корпуса текстов о запрятанных богатствах. В дополнение можно привести единичные рассказы, хранящиеся в архивных делах Научно-отраслевого архива УИИЯЛ УрО РАН, фольклорного и фольклорно-диалектологического фондов Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики УдГУ или опубликованы в удмуртских диалектологических сборниках транскрибированных текстов фольклорно-этнографического содержания [Кельмаков 1981, 2015; Карпова 2005]. Скудость текстового корпуса, собранного на протяжении XX в., – это следствие не столько постепенного исчезновения сюжетов о кладах, сколько отсутствия целенаправленной работы по сбору материала по данной теме: как показывают полевые исследования, устные рассказы о кладах продолжают бытовать и в наше время.

Общие по тематике, эти повествования жанрово-стилистически разнородны: они могут быть отнесены к устным бытовым рассказам, историческим преданиям, поверьям, быличкам, побывальщинам; образы клада часто встречаются в разных видах сказок. Исследователи славянской традиционной культуры неоднократно указывали на сложности, связанные с жанровой дифференциацией фольклорной прозы о кладах [Соколова 1970, 193–198; Криничная 1977, 105; Котельникова 1996, 2004; Казакова 2013]. Одним из ключевых критериев установления жанровой разновидности фольклорного текста предлагается образ клада: «Формы, в которых проявляет себя клад, обуславливаются тем доминирующим признаком, который избирается рассказчиком для характеристики клада. В прямой зависимости от ракурса, в котором рассматривается клад, находится тип сюжетной организации и жанрово-стилистические особенности каждого конкретного текста. Так, рассказ о находке реальных денег обычно не отличается от повседневного устного рассказа, а история о договоре с кладом близка к бытовой сказке сатирического характера» [Котельникова 2004, 56].

В удмуртской традиционной культуре клады (*ватос*) чаще всего ассоциируются с запрятанным в укромном месте золотом (*зарни*) или серебром (*азвесь*), в отличие от русской традиции Вятского края, в которой клад может состоять из сукна [Стрельцов 1914, 96], «шелковья и бархата» [Стрельцов 1914, 91], оружия и посуды [Добровольский 1883].

Согласно удмуртским представлениям, клады подразделяются на три условные группы: обычные / незаветные, заветные / заклятые и проклятые. В характери-

стике клада каждой из этих групп есть свои отличительные признаки, что, в свою очередь, сказывается на жанрово-стилистическом оформлении повествований.

Основной корпус фольклорной прозы о незаветных кладах составляют бытовые устные рассказы, повествующие о случайной находке реальных денег на территории усадьбы (при возделывании земли и рытье ям под воротными столбами, в подполье, в огороде; раскатывании старой избы – в стенах между бревнами) и редко – за ее пределами (под одиноким деревом у дороги, в крутом берегу реки). В большинстве случаев это деньги, спрятанные стариками (*вашкалаос*) на черный день или в наследство потомкам. В кон. XIX в. Н. Г. Первухин писал о том, что удмурты, «...живущие в Глазовском уезде, по словам учителей и местных священников, наиболее знакомых с обычаями этого народа, поныне в банки вносят деньги редко, а хранят их в скрытых местах подле себя» [цит. по: Чураков 2015, 169]. В народе верят, что незаветные клады обыкновенно не заключают в себе большой суммы и являются «слепым счастьем», назначенным нашедшему судьбой [Верещагин 1995, 126]. Восприятие клада как подарка, ниспосланного свыше, встречается редко; чаще всего оно сопряжено именно с этим видом кладов. Обычно удмурты настороженно относятся к деньгам, найденным случайно или полученным нечестным трудом, полагая, что они редко приводят к благополучию [ПМА: А. Ф. Николаева].

К бытовым рассказам относятся также анекдотические случаи из жизни о попытках найти спрятанный односельчанином клад; рассказы о присвоении обманным путем денег, отложенных хозяином семейства своим детям; рассказы о мошенниках, наживавшихся на желании людей найти клад.

Основной корпус удмуртских сюжетов о кладах составляют мифологические рассказы и сказки о заветных и проклятых кладах, которые находят не только на территории усадьбы (подполье, чердак, двор, ворота), но и далеко за ее пределами: чаще всего это места, наделяемые носителями традиционной культуры отрицательной коннотацией – пограничные локусы (обочина дороги, край леса, межа, полевые прясла, межевой столб), водоемы и связанные с ними объекты (родник, озеро, болото, старица, колодец, мельница), места прежних поселений богатырей (городище, пещера в горе), приметные ландшафтные объекты (возвышение, холм, гора, одиноко стоящее дерево) и др. Согласно поверьям, быличкам и сказкам, особенно изобилует кладами лес.

В отличие от незаветных кладов, заветные клады ассоциируются с огромным состоянием: в большинстве случаев речь идет о целых бочках или сундуках с золотом и серебром, как, например, в сведениях XIX в., которые приводит Н. Г. Первухин: «К югу от этого холма [Карйыл, расположенного около одноименной деревни Балеинского района. – Т. В., Т. II.] в лощине, спуск в которую начинается от самого холма, ближе к реке Чепце, сажень в 200-х от холма, лежит не больше сажень 60-и в диаметре, почти правильное круглое озерко, в котором, по преданию, сохранившемуся у местных жителей, отпущена кем-то на дно дубовая бочка с золотом. Деды от дедов слышали, рассказывали мне крестьяне, что в былые годы по некоторым дням бочка эта выплывала на поверхность, но всегда тонула, когда подходили к озеру с целью завладеть ею» [цит. по: Чураков 2015, 173]. И в настоящее время в этих краях, в частности в д. Гордино Балеинского р-на, продолжают бытовать предания об утонувшей в озере бочке с золотом, принадлежавшим некогда богатырям [Попова 2011, 312]. Мотив хранения несметных богатств на местах поселений богатырей –

один из устойчивых мотивов удмуртских героико-богатырских преданий [Владыкина 1998, 169–239]. Большую часть сюжетов о сокровищах богатырей записали в районах сосредоточения археологических памятников, наличие которых в свою очередь обусловило мифологизацию окружающего пространства.

Примечателен комментарий одного из информантов XIX в., подчеркивающий не только баснословный размер кладов, но и имплицитную идею возможности овладения ими с целью уплаты податей: «О количестве денег говорят, что ими можно уплатить подати столько, сколько потребно с одной волости за три половины, т. е. за полтора года»; «денег достаточно уплатить одной волости в подати за два года»; «...денег столько, что достаточно их вносить в подати и повинности за весь Сарапульский уезд пять лет» [Верещагин 1995, 120].

Согласно народным представлениям, заветные клады положены на хранение с произнесением «слова» / заклятья, определяющим условие его дальнейшего получения: *«Вашкала аръёсы удмуртъёслэн уксьёз люкан сямзы вылэм. Пересь айызы кулыкуз уксьёзлэсь ватэм интызэ яратон нылпиезлы вераса кельтэ. Нош нылпиез өвёл ке, яке вань ке, но айыэнызы тупаськемесь ке, айызы уксьёзэ мар ке но сйзьыса ватоз, пе, вал. Кылсярысь, сомында-сомында ар ортчем бере кунян кариськыса мед поталоз но сыче-сыче адямилы мед сюроз шуыса вылэм. Яке: та уксьё пёртмаськыса калзэ мед быдтоз но “сомында йыр сыче-сыче пудоез сйзьыса вандэмзы бере гинэ мед сюртскоз” шуыса – каргаса, пе, вато вал»* ('В древности удмурты старались откладывать деньги. Перед смертью хозяин семейства указывал на место, где спрятаны деньги, любимому ребенку. А если детей не было, или если и были, но они не ладили с отцом, то отец-де прятал деньги с каким-нибудь условием. Например, столько-то лет спустя, чтобы явился в облике теленка и дался [в руки] такому-то человеку. Или прятали со словами: «Пусть [потомок] изнеможет от появлений клада в каком-либо облике и только после принесения в жертву столько-то животных пусть дастся в руки [кому-нибудь]») [НОА РФ УИИЯЛ. Оп. 2–Н. Д. 214. Л. 15] (здесь и далее перевод наш. – Т. В., Т. П.).

Другими условиями овладения кладом были следующие заветы: «своя голова», т. е. жизнь самого кладоискателя; «сорок голов» / «сто голов» – жизнь сорока / ста людей, которых нужно принести в жертву для добычи клада* [Верещагин 1995, 119, 165]; обнаружение и воссоединение расщепленного надвое и пущенного по реке рябинового ствола; обнаружение и объединение расколотого надвое мельничного жернова, разбросанного в разных местах [Wichmann 1901, 99–100]; способность скатить с места бочку с деньгами, не уронив при этом лежащего на ней мертвого разбойника [Верещагин 1995, 119]; требование сначала найти монету, перстень или другой предмет, брошенные вместе с кладом в водоем; перебросить через елку, под которой положен клад, топор или нож. Согласно традиции, серебро обычно закапывали со словами: «Покажись белой уткой, гусем!», – а золото: «Покажись лисицей, рыжим жеребчиком» [Верещагин 1995, 165]. Последние формулы обусловлены бытующими поверьями, что серебро обычно является в облике животных с белой или сивой шерстью или птиц с белым оперением, а золото – в виде животных и зверей рыжей масти или птиц с «золотым» / крас-

* Заветы с требованием принесения человеческой жертвы наиболее характерны для прозы о разбойничьих кладах. – Т. В., Т. П.

ным оперением. Кроме того, в семантически-структурном отношении вербальный компонент сокрытия кладов может быть представлен как формула невозможного, которая в основном характерна для удмуртских лечебных заговоров: «Когда запрягут в соху петуха, тогда пускай возьмут деньги» [Верещагин 2001, 29].

Если клад обнаруживают при специальном поиске, он в руки не дается, «уходит» в землю, исчезает. Его можно получить / «взять», только если исполнить завет (*кылзэ тодыны кулэ* «слово знать надо»). Для того чтобы узнать тайные слова, удмурты обращались к *туно* – прорицателю, знающему. С помощью гадания он раскрывал завет, но, если его невозможно было исполнить, не причинив ущерба самому кладоискателю или не поплатившись его жизнью, даже обнаруженный клад зарывали обратно, считая, что по истечении предназначенного ему времени он «выйдет сам».

Отдельные сюжеты побывальщин, переработанные с учетом характера героя-авантюриста, превращены в новеллистические сказки о получении богатства путем ловкости, обмана, к которым герой прибегает при добывании клада, например: мастерит соху и сбрую для петуха [Верещагин 2001, 29]. Будучи нечаянным свидетелем заклęcia клада разбойниками, он одновременно с ними произносит исправленную формулу (вместо «ста голов» – «сто колов»), после чего также получает возможность воспользоваться свалившимся на него богатством. Несомненно, мотив замены голов колами заимствован из русского фольклора, о чем свидетельствует тот факт, что при переводе формулы заклęcia на удмуртский язык невозможно сохранить «игру слов», построенную на близком звуковом сочетании. Как отмечает Н. Е. Котельникова, в русской традиции сюжеты о замене голов колами являются устойчивыми и сохраняются в близких вариантах [Котельникова 2006, 57]. В удмуртской традиции формула «ста человеческих голов» чаще всего заменяется на «сто куриных голов».

Основной корпус удмуртских мифологических рассказов составляют сюжеты о являющихся кладах, в которых клад выступает как самостоятельный персонаж, обладающий свойственными только ему характеристиками. Так, отличительный признак клада – его способность принимать различные облики. В кон. XIX в. бытовало поверье, что каждому человеку в жизни клад встречается три раза, но дается только счастливому [Верещагин 1995, 125]. Чаще всего он предстает перед людьми в образе домашних животных и птиц (собаки, свиньи, коровы, жеребенка, барана, петуха, утки), которых сложно отличить от реальных: «*Мукет араз турнаны мынэ вылэм. Учке но, нюкын скал сиське. Нош турынэз жэужыт. Йырыз кур луэм солэн. Вань кужмысьтыз сюлоэн шуккем но, скал местаэ жилиак зарни коньдон куашказ*» ('На следующий год шел [некий мужик] на сенокос. Смотрит, а в логе корова пасется. А трава высокая. Он разозлился. Со всей силы ударил кнутом, и корова рассыпалась золотыми монетами') [Кельмаков 1981, 144].

Однако в большинстве случаев клад обнаруживает себя в несвойственном для животных поведении: «*Одйг пол, пе, Лисалэн весь пьдбераз куртчиськыны турттыса, парсь лыктэ. Татйын, Горей мышкын, нюк вань, кызьпуосыз но вань, отцьозь ик лыктэм ук. Уллясько-турттйсько, пе, но, олокызы бизьса, пе, лыктэ. Парсь умой-мой өвёл со, ыргон уксьез парсен, пе, аджоно*» ('Однажды-де свинья идет, всё время стараясь цапнуть зубами пятку Лисы. Здесь, за [подворьем] Горей, имеется овраг, и березки там есть, ведь дотуда она шла. И прогнать-де стараюсь,

но как-то [опять] прибегает. Это не настоящая свинья, медные деньги, говорят, показываются в облике свиньи») [Кельмаков 2015, 106–107]; «Пришли они [девушки. – Т. В., Т. П.] к горе Му Кабану, где находится клад, и навстречу им бежит жеребенок, жеребенок этот закричал по-человечьи; они испугались и опять пустились бежать. Когда жеребенок скрылся, взошли на гору и оттуда увидели Титово. Пошли они в Титово, а оттуда в Бакино; здесь посмотрели на свадьбу и пошли домой. Опять они заблудились и пришли к горе Му Кабану. Сошли в лог, через который пролежала дорога и навстречу опять жеребенок; жеребенок кричит, как человек; они бежать... жеребенок всё кричит» [Верещагин 1995, 126]. Иногда клад появляется в образе диких животных (зайца, волка, медведя, лисицы).

Явленный в образе животных или птиц клад впоследствии может принимать предметный вид. Как и в русской традиции, в описании клада наиболее характерен вид емкости, в которой его прячут или хранят: «Из колодца вышла утка и превратилась в сундук, но когда две сестры стали поднимать его, то они от робости ахнули, и сундук спустился обратно» [Стрельцов 1927, 66]. Однако, в отличие от русских рассказов о кладях, где эти предметы становятся активно действующими персонажами и обладают способностью не только двигаться, но и говорить [Котельникова 2004, 60], в удмуртской традиции предметы, в облике которых является клад, тождественны реальным вещам. В быличках нередко повествуется об упущенной возможности обладания явленным кладом: «Идет он [покойный отец рассказчика Николая Орлова] и вдруг видит у ног большой мельничный жернов; подошел к нему, осматривает и говорит: «Хорошо бы, этот жернов унести домой». Сел на жернов отдохнуть; отдохнул и пошел обратно. Обернулся назад – жернова уже нет. Тогда только и узнал он (отец Орлова), что это был клад...» [Верещагин 1995, 121]. Способность клада неожиданно появляться перед человеком и мгновенно пропадать из виду воспринимается вполне естественно, т.к. в системе традиционных представлений он соотносится с потусторонним / нечеловеческим миром.

Согласно жанрово-стилистической специфике, сюжеты, тяготеющие к закономерностям побывальщин и мифологических сказок, имеют счастливый конец: «*Одйг воргорон вазь чукна араны мынэ вылэм. Нюлэс дуртй мыныкуз, азьпалаз сюрло шедем. Со сюрлоэз кутэ вылэм инй но, сюрло быдэсак шальк-шальк куашказ. Музьем вылэ учке но, сюрло местаын зарни коньдон кисьтаське. Воргорон воксё адраз. Со коньдонэз жэгогак октэм но гуртаз бертэм*» («Некий мужик рано утром шел на жатву. Когда шел по опушке леса, увидел серп. Едва дотронулся он до серпа, как серп со звоном рассыпался. Смотрит на землю, а на месте серпа золотые монеты блестят. Мужик изумился. Быстро собрал деньги и вернулся домой») [Кельмаков 1981, 144].

Для получения денег к явленному образу необходимо прикоснуться, ударить по нему наотмашь или бросить в него каким-нибудь предметом: «*Озъы, уксё ватэм интыосыз пёртмаське шуыса, удмуртъёс пёлын оскон али но вань на. Кин ке (пёртмаськись) шоры жимид ке, со борды “осто” шуыса йётскы. Соку со пёртмаськись уксё луыса кичке, пе*» («У удмуртов всё еще бытует поверье, что в тех местах, где спрятаны деньги, млится, чудится. Если встретишь кого-либо / что-либо, прикоснись к нему и скажи «Осто» (Господи). Тогда явленный образ деньгами-де рассыпается») [НОА РФ УИИЯЛ. Оп. 2–Н. Д. 214. Л. 15]. Такие правила поведения при встрече с кладом универсальны и характерны для многих

традиционных культур. В верованиях удмуртов сохранена архаическая деталь «взаимодействия» с кладом: невозможность прикосновения к кладу голой рукой: «Уксёез шедтыкыд, сёзыеныд йёткыса со борды, тазыы шу: “Усь, уксё лу!”» (‘Деньги / Клад найдешь если, полой / сквозь полу дотронься до него, скажи: «Упади / Явись деньгами!»’) [Munkácsi 1887, 1].

В мифологических текстах клад может принимать и антропоморфный облик. Однако, в отличие от славянской традиции, в которой запрятанные богатства могут предстать в образе людей различных половозрастных групп (ребенка, девушки, женщины, старухи, старика) [Котельникова 2004, 59], в удмуртской народной прозе диапазон человеческих образов более ограничен – клад появляется в виде седого старика, солдата или всадника на коне, неотъемлемым атрибутом которых служит белое одеяние: «Внутри городища с северо-западной стороны, по преданию, есть подземелье, в которое от р. Пызэпа ведут железные двери, в ночь на Пасху открывающиеся и стоящие открытыми до окончания церковной службы. Зарыты также клады на юго-восточной стороне, у подножия городища, в бугорке, лежащем на берегу старицы р. Чепцы. Много сокровищ кинуты также в самую старицу, но чтобы достать их оттуда, надо узнать заветное слово. Все Иднакарские клады уже давно желают отдаться в руки счастливому, а поэтому выходили наружу и даже переходили на другие места, являясь то в форме бочки на самом Иднакаре, то в виде всадника, одетого в белое, прискакавшего с Иднакара на старый могильник близ деревни Адамской, где всадник этот и исчез» [Первухин 1896, 69].

Среди удмуртов продолжают бытовать поверья, что клад является в виде огня [ПМА: Е. Е. Авдеева, О. П. Михайлов, Я. Л. Зайцева] или показывается случайному человеку как внезапно появившееся яркое свечение из-под земли [ПМА: И. Н. Владыкин]. В этнографической литературе кон. XIX в. нередко приводятся сведения, что в тех местах, где зарыты клады, видят горящую свечку [Верещагин 1995, 119], огненный шар синего цвета [Верещагин 1995, 119], рядом с огнем появляются видения разных животных и зверей [Верещагин 1995, 127]. Считается, что клад, кажущийся огнем, нельзя «брать»: вымирает весь род. Вообще, отношение к «случайным», «даром доставшимся» деньгам, как уже говорилось выше, было отрицательным. Согласно установкам традиционной культуры, не заработанные собственным трудом деньги шли «не впрок», были своеобразным искушением. Потому даже к явленному кладу следовало относиться с осторожностью, действовать предусмотрительно: «... гондырен ке шедтїд та уксёзэ: тон туж шудо но луод, узырмод но; лудкечен ке шедтїд: уд узырмы; ошен ке шедтїд: мар ке но со урод луоз; адямиен ке шедтїд: туж шудтэм но луод, визьтэммись но луод» (‘в виде медведя если найдешь клад – ты и счастливым будешь, и разбогатеешь; в виде зайца – не разбогатеешь; в виде быка если найдешь – что-нибудь плохое произойдет; в виде человека если найдешь – будешь и очень несчастным, и временами безумным’) [Munkácsi 1887, 1].

В быличках и побывальщинах клад, как правило, обнаруживает себя за пределами освоенного пространства: в логу, у опушки леса, в лесу, на возвышенном месте, у подножия горы и т. д., и только в редких случаях – на территории усадьбы: «Уашкалаослэн будьто, пе, зарниоссы уатылэмын вылэм. Милям губечамы но, пе, понэмын вылэм. Кисьмай понэм. Та корка мумилэн вордскем интыез вал. Ми, пиналлёс, пöчи гур азыын пукиськом вал. Губечысь зарни потїз, зурк ик уазиз, лыктїз дорамы. Ми

кесяськыса педло пегзим. Муми лудын вал. Ортемлэн тязез Сидор ортче вылэм косяк ултй. Со пыриз, буйгатйз» («В древности будто-де старики золото прятали. И в нашем подполье-де тоже был положен [клад]. Кисьмай положил. В этом доме моя мать родилась. [Однажды] мы, дети, сидели перед маленькой печкой. Из подполья золото вышло, аж скрип услышали, и подошло к нам. Мы с криком выбежали на улицу. Мать была в поле. [В это время], оказывается, Сидор, отец Артема, проходил под окнами. Он зашел [в дом], успокоил [нас]») [Карпова 2005, 154].

В сказочной прозе клад может выказать себя слуховой галлюцинацией. Герой сказок (солдат/сын мельника) соглашается переночевать в доме, в котором чудится. В ответ на появившиеся в полночь крики: «Падаю! Падаю! / Упаду! Упаду!» – он не теряется и говорит: «Падай! / Когда будешь падать, падай ко мне в шапку!», – и на стол осыпается клад в виде золотых или серебряных монет [Первухин 1889, 48].

Наряду с сюжетами о являющихся кладах, в удмуртской фольклорной прозе представлены рассказы об охраняемых кладах, повествующие о встрече кладоискателя с нечистой силой, на хранение к которой переходит заветный клад. Отличительная особенность этой группы сюжетов в том, что инициатором контакта выступает не клад, а человек [Котельникова 2009, 98]. В отличие от славянской мифологии, в которой представлены самостоятельные персонажи (демонологические существа, отвечающие за сохранность клада, – кладенец, кладовик, лаюн, щекотун, копила, копша и др. [Левкиевская 1999, 501, Левкиевская 2011, 227]), в удмуртской традиции персонажей подобного рода нет. В качестве хранителя клада выступает седой старик, как, например, в следующем рассказе: «Говорило предание, что у ворот двора одного кыквинского вотяка хранится котелок с деньгами. Заветом будто бы требуется одна человеческая голова, т. е. для того, чтобы взять клад, надо убить человека. Один сосед того вотяка, у ворот которого находился клад, ночью решил копать клад. Это было летом; ночью тогда было не очень темно. Копал, копал вотяк (звали его Иваном) – и выкопал котелок с серебряными монетами. Смотрит в котелок и видит серебро, а возьмет в руки – гальки. “Что за диво! – думает вотяк. – В земле они деньги, а в руках – гальки”. Однако наклал он галек в полу платья и хотел было уйти. Вдруг кто-то с крыши кричит ему: “Что ты делаешь?”. Иван испугался и, высыпав гальки обратно в яму, поспешно зарыл и ушел домой. Лег спать он и думает о кладе. Явился к нему седой старик и говорит: “Зачем, Иван, ходил без подарка (просил, видно, он человека); смотри, в другой раз так не делай”. И старик исчез, как дым. Ивана стала трясти лихорадка, и он пролежал в ней две недели» [Верещагин 1995, 119].

В финно-угорской традиции хранителями клада нередко выступают духи – хозяева окружающего пространства. Так, в близкородственной коми-пермяцкой традиции бытуют представления, что спрятанные в доме сокровища стережет *суседко* (домовой), а в лесу и на лугу – *лесной / вöрись* [Голева 2011, 180–181]. В удмуртской фольклорной прозе хранителем клада в лесу является *нюлэсмурт* (дух – хозяин леса / леший). Кладоискатель получает неподъемный сундук с кладом, угостив лешего по совету *туно* водкой. По дороге домой лишается сундука, испугавшись напущенной хозяином леса бури, хотя первым условием сохранения клада был уговор о выполнении правил пережидания стихии (сесть под телегу и не бояться) [Верещагин 1995, 121–123]. Сюжеты многих удмуртских мифологических сказок связаны с представлениями о *нюлэсмурте* как хранителе несметных

богатств: леший дарит человеку за то, что тот помогает ему победить водяного, целую шапку золота, под тяжестью которого прогибается лавка [Владыкина 2009].

И в быличках деньги – один из атрибутов *нюлэсмурта*: «*Мыным дяде вералля вал. Сик дурын, пе, усыясько. Куака карез, пе, шедьтй но тйяй. 2–3 шаг гинэ пыри вал сике, йыроми, пе. Весь, пе, со интыетй ик ветлйсько но отчы ик, пе, вуисько. Адзйсько: пенёк вылын нуке пурысьтам тушо дедуш. Лыдэ коньдон. “Малы, пие, татй ветлйськод?” – юа, пе, дедуш. “Озы но озы: йыроми, потыны уг ни быгатйськы”, – шуисько. “Малы бен куака карез озы тйяд?” – юа. “Ма, оломалы”, – шуисько, пе. “Таре озы эн ни кары”, – шуиз, пе, пересь дедушко. Сэре пенёк но, пе, быриз, ачиз но. Нош мон кенер бордын ик, пе, сылко. Тйни, нюлэсбуба, пе, солы адскем ни*» («Мой дядя рассказывал. У леса-де бороню. Воронье гнездо нашел и разорил. Два-три шага только сделал в лес и заблудился. Всё-де по одному месту брожу и прихожу на то же место. Вижу: сидит на пеньке седой старик. Считает деньги. «Почему, сынок, здесь ходишь?» – спрашивает, мол, старик. «Так и так, заблудился, а выйти [из леса] уже не могу», – отвечаю. «А почему воронье гнездо разорил?» – спрашивает. «Не знаю», – отвечаю-де. «Больше так не делай», – сказал старик. А потом и пенек исчез, и старик. А я-де стою прямо у изгороди. Вот, хозяин леса-де являлся так») [ФДА УдГУ. ДЭ–1988. Т. № 1. С. 118–119].

Кроме *нюлэсмурта*, обладателем несметных сокровищ считается *вумурт* (дух – хозяин воды / водяной). В мифологических сказках взятые у водяного черепки, угли, гнилушки превращаются в золото или серебро, а золото, напротив, превращается в угли.

Добывать клады, согласно верованиям, помогают обладающие магической силой цветок папоротника или разрыв-трава (спрык). Разрыв-траву могут добывать только знахари при соблюдении особых условий. Она разбивает железные оковы и запоры прикосновением к ним, а ее цветы делают человека невидимым. Такими же качествами обладает цветок папоротника, который расцветает единственный раз в году и цветет только одну ночь на Иванов день. Добыть его можно, соблюдая особые условия и меры предосторожности: идти одному в глухой лес, где не слышно пения петуха и лая собак; найти папоротник, постелить под него белую скатерть; очертить вокруг себя круг булатным ножом или топором и лечь в этот круг на землю на спину. Ближе к полуночи к черте будут подходить в облике разных страшных животных бесы, угрожая смертью. В полночь папоротник уронит на скатерть цветок [Верещагин 1996, 139].

Отдельную сюжетно-тематическую группу составляют рассказы о проклятых (*каргам*) кладах. Они показываются случайному человеку, как правило, в виде монет и даются без исполнения завета. Однако воспользоваться этими деньгами редко удастся: чаще всего даже контакт с ними приводит к серьезным последствиям: к различным несчастьям, к болезни и смерти как нашедшего клад, так и его близких, вплоть до вымирания всего рода. Во избежание этого категорически запрещалось приносить их в дом, а если успели принести, то как можно быстрее вернуть деньги на прежнее место. Для примера приведем два рассказа, первый из которых записан в кон. XIX в., а второй – в нач. XXI в.: «Один вотяк летом искал лошадей и должен был проходить мимо этого ключика. День был жаркий, и вотяк, томимый жаждой, подошел к ключу напиться. Пьет он воду и видит на дне ключа что-то блестящее. Взял палку и тычет ею в блестящий предмет; предмет оказался серебряной монетой.

Поковырял палкой на дне, и там оказалось множество серебряных монет. Поднял рукав платья и собирает денежки... денег целый медяник. Взял он медяник и унес домой; спрятал деньги и жене не сказал, а они с женой жили не очень дружно. Вдруг через трое суток вотяк захворал и так сильно, что на выздоровление не было и надежды. Перед смертью стал ему грезиться клад, и он, позвав жену, велит ей унести медяник с деньгами обратно в ключ; а жена рада деньгам – мужа не любила. “Пропадай ты, не больно тебя и нужно”, – думает в себе его жена и ждет смерти мужа. Действительно, вскоре после этого вотяк умер. Похоронила жена мужа и захворала сама. Болезнь достигла такой степени, что выздоровление казалось невозможным. Вспомнила больная о кладе и велит сыну отнести его на ключ. Сын послушался матери – и мать поправилась здоровьем» [Верещагин 1995, 118];

«Тйнь татын клуб вöзын бакча. Койык Катя вера: анай, пе, ракен висиз, Катя çужапай, пе, визьтэм кылиз, – шуиз. Бакчаысьтыз со пичи мурт вить копейка шедьтэм, вить манет, копейка, пе, öвöl со, вить манет, пе. Туж, пе, чебер, çуж, пе. Соин таман шудэм, шудэм со но – миллим урамамы ик улэ со Катя – таман шудэм, шудэм соин но, шудыса жадем бераз, укно дураз понэм. Песяйзы, Çана нимо, со сое аджем но, “кинлэн бон та уксёез”, – шуэм но, – “мынам”, – шуэм со. Сое малы ке Катя çужапаез но басьтэм ини вылэм, сэре берен анаезлы сётйллям. “Анай ракен висьын куськиз”, – шуиз. Татын куйызы вылэм. Отысь, бакча гырыкызы, сыче чебер уксё сюрем. Сэре мон, пе, сое – анай но озьы, пе, луиз но, – кутй но, пе, чиганлы сётй но, пе, лэзи со уксёез. Сойзэ валаса, пе, сётса лэзи инь. Йөнэзлы öвöl, дыр, сыче уксё» (‘Вот здесь рядом с клубом огород. Койык Катя говорит: мать-де раком болела, тетушка [по материнской линии] Катя-де умом тронулась, – сказала. В огороде, будучи еще маленьким ребенком, она нашла пятикопеечную монету, нет – пятирублевую, а не копеечную. Эта пятирублевая монета-де очень красивая, желтого цвета-де. Она поиграла-де с ней – на нашей же улице живет эта Катя – поиграла с ней и положила на окно. Бабушка [по отцовской линии] по имени Çана [Галка] увидела ее и спрашивает: «Чи же это деньги?», а она отвечает: «Мои». Эту монету почему-то и тетушка Катя трогала, оказывается, а потом опять матери вернули. Мать раком заболела, – сказала. Здесь колодец был, когда огород пахали, такая красивая монета попалась, потому я-де, – раз и с мамой такое случилось, – эту монету цыганке отдала. Это я-де осознанно уже отдала ее. Не к добру, видимо, такие деньги») [ПМА: Е. Е. Авдеева].

Передача монеты цыганке, в традиционных верованиях ассоциирующейся с понятием «чужой», равноценно возврату денег потустороннему миру и освобождению от последующих несчастий. Отметим, что в удмуртской традиционной культуре и по настоящее время актуален запрет на присвоение денег, лежащих на видном месте – на земле, на дороге: они могут стать источником порчи, несчастий или болезни [Шутова, Панина 2016, 114]. В родственной коми-пермяцкой традиции также бытует поверье, что принесенные домой «чудские вещи» – предметы, принадлежавшие древним насельникам края – могут навлечь на человека беду [Голева 2011, 181].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что удмуртская народная проза о кладах охватывает широкий круг повествований разных фольклорных жанров, в основе которых лежат традиционные представления о природе клада. Привлечение сопоставительно-сравнительного материала славянской (русской) и финно-угорской (коми) культур подтверждают типологическую общность представлений о данном феномене.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

Авдеева Елизавета Егоровна, удмуртка, 1939 г. р., урож. д. Варклед-Бодья Агрызского р-на, РТ, обр. 4 кл.

Владыкин Игорь Николаевич, удмурт, 1952 г. р., урож. д. Михайловка Игринского р-на, с 1975 г. живет в д. Сеп Игринского р-на, УР, обр. 8 кл.

Зайцева Яна Леонидовна, удмуртка, 1973 г. р., урож. д. Баграш-Бигра Малопургинского р-на, УР, обр. высш.

Михайлов Олег Петрович, удмурт, 1972 г. р., урож. д. Варклед-Бодья Агрызского р-на, РТ, обр. ср.-спец.

Николаева Анастасия Федоровна, удмуртка, 1941 г. р., урож. д. Новая Монья Малопургинского р-на, с 1972 г. живет в д. Баграш-Бигра Малопургинского р-на, УР, обр. высш.

ЛИТЕРАТУРА

Верещагин Г. Е. Собр. соч.: В 6 т. Ижевск, 1995. Т. 1: Вотяки Сосновского края. 260 с.

Верещагин Г. Е. Собр. соч.: В 6 т. Ижевск, 1996. Т. 2: Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. 204 с.

Верещагин Г. Е. Собр. соч.: В 6 т. Ижевск, 1998. Т. 3: Этнографические очерки. Кн. 1. 311 с.

Верещагин Г. Е. Собр. соч.: В 6 т. Ижевск, 2001. Т. 4: Фольклор. Кн. 1: Удмуртский фольклор. 222 с.

Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск, 1998. 356 с.

Владыкина Т. Г. Образы лесных духов в удмуртской мифологии и фольклоре: I. Нюлэ-мурт (лесной человек/леший) // Традиционная культура в изменяющемся мире: Материалы VIII Международной школы молодого фольклориста «Традиционная культура в изменяющемся мире» и семинара «Пермистика: язык и стиль фольклора». Ижевск, 2009. С. 24–30.

Голева Т. Г. Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков. СПб.: Маматов, 2011. 272 с.

Казакова Л. А. Предания о кладах (по материалам фольклорного архива ПсковГУ) // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2013. № 3. С. 73–80.

Карпова Л. Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи. Ижевск, 2005. 581 с.

Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры. Ижевск: Удмуртия, 1981. 300 с.

Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи 3: Южные говоры 1. Ижевск: Удмуртия, 2015. 424 с.

Котельникова Н. Е. Состав несказочной прозы о кладах и ее традиционная образность в жанрообразующем отношении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 19 с.

Котельникова Н. Е. Стабильные повествовательные компоненты в несказочной прозе о кладах // Русский фольклор: материалы и исследования. СПб.: Наука, 1999. Т. 30. С. 215–229.

Котельникова Н. Е. «Это клад попадал нам...» (Облик клада в фольклорной прозе) // Традиционная культура. 2004. № 3. С. 56–62.

Котельникова Н. Е. Нормативы, связанные с обретением клада, в русской фольклорной прозе // Славянская традиционная культура и современный мир. М., 2005. Вып. 8. С. 75–81.

Котельникова Н. Е. Тема разбойничьих кладов в народной несказочной прозе // Традиционная культура. 2006. № 4. С. 55–65.

- Котельникова Н. Е.* Кто охраняет клады? // Традиционная культура. 2009. № 2. С. 97–103.
- Котельникова Н. Е.* Мотив наказания за жадность в фольклорной прозе о кладях // Традиционная культура. 2015. № 4. С. 82–89.
- Котельникова Н. Е.* Кто клад кладет, а кто находит (человек в русских фольклорных рассказах о кладях) // Демонология и народные верования: Сб. науч. ст. М.: Гос. республик. центр русского фольклора, 2016. С. 253–266.
- Левкиевская Е. Е.* Клад // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2: Д (Давать) – К (Крошки). С. 500–502.
- Левкиевская Е. Е.* Клад // Славянская мифология: энциклопедический словарь. А–Я. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Международные отношения, 2011. С. 227–228.
- Первухин Н.* Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Следы языческой древности в образцах устной народной поэзии вотяков. Вятка: Губ. тип., 1889. Эскиз IV. 84 с.
- Первухин Н. Г.* Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1896. Вып. 2. С. 13–127.
- Попова Е. В.* Культурные памятники и сакральные объекты бесермян. Ижевск, 2011. 320 с.
- Приказчикова Ю. В.* Историческая проза Вятского края: Региональная специфика, мотивы и образы: Дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2002. 212 с.
- Приказчикова Ю. В.* Устная историческая проза Вятского края: Материалы и исследования. Ижевск, 2009. 392 с.
- Стрельцов Ф.* Кладоискатели // Известия Сарапульского земского музея. М.: Печатня С. И. Яковлева, 1914. Вып. 4. С. 90–98.
- Стрельцов Ф.* Археологические памятники и палеонтологические находки Вотской Автономной Области // Труды Науч. об-ва по изучению Вотского края. Ижевск, 1927. С. 61–80.
- Чураков В. С.* «Беллетристическая» статья Н. Г. Первухина // Иднакар. 2015. № 3. С. 157–222.
- Шутова Н. И., Панина Т. И.* Монета в лечебно-охранительных обрядах удмуртов // Вестник Удмуртского университета. 2016. Т. 26. № 4. С. 112–117.
- Wichmann Y.* Wotjakische Sprachproben II: Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen. Helsingfors, 1901. IV + 200 S.
- Munkácsi B.* Votják népköltészeti hagyományok. Budapest: Kiadja a Magyar Tudományos Akadémia, 1887. 336 ol.

Поступила в редакцию 18.09.2017

Владыкина Татьяна Григорьевна,
доктор филологических наук, профессор,
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
426004, Россия, г. Ижевск, Ломоносова, 4
e-mail: tgvладыкина@mail.ru

Панина Татьяна Игоревна,
кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
426004, Россия, г. Ижевск, Ломоносова, 4
e-mail: tipanina@mail.ru

T. G. Vladykina, T. I. Panina

Udmurt Folk Prose about Treasure

The present paper is aimed at analyzing Udmurt folk fairy and non-fairy texts concerned with treasure. The study adopts a synchronic-diachronic approach and is based on the published collections by the Udmurt, Russian and foreign researchers of the 19th–21st centuries, archival data and some authors' field materials. Numerous folklore texts of different genres are studied as a consistent artistic system which is based on traditional beliefs about treasure. The study reveals that most analyzed Udmurt narratives are mythological stories about an enchanted and cursed treasure. Where and how a treasure is buried, what magic words are traditionally uttered while hiding it, and how one can find and seize the treasure have been considered. The most popular story plots are examined. Special attention is paid to the stories about treasure which suddenly comes into sight in the guise of a man, animal, object or fire. In those narratives the treasure is presented as a particular mythological being. The research reveals that nature spirits are considered to possess and guard untold treasures and identifies the factors contributing to the widespread distribution of stories about the cursed treasure in the Udmurt traditional culture. Typological parallels with the traditional cultures of other indigenous peoples, particularly the Slavic and Finno-Ugric ones, have been provided.

Keywords: Udmurt folklore, treasure, treasure guardians, enchanted treasure, cursed treasure, treasure appearing in different forms, magic spells.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2017, vol. 11, issue 4, pp. 58–72. In Russian.

REFERENCES

- Vereshchagin G. E.** *Sobranie sochinenii: V 6 t.* [Collected works: in 6 vol.]. Izhevsk, 1995. *T. 1: Votyaki Sosnovskogo kraya* [Vol. 1: The Votyaks of Sosnovka area]. 260 p. In Russian.
- Vereshchagin G. E.** *Sobranie sochinenii: V 6 t.* [Collected works: in 6 vol.]. Izhevsk, 1996. *T. 2: Votyaki Sarapul'skogo uezda Vyatskoi gubernii* [Vol. 2: The Votyaks of Sarapulsky Uyezd of Vyatka Governorate]. 204 p. In Russian.
- Vereshchagin G. E.** *Sobranie sochinenii: V 6 t.* [Collected works: in 6 vol.]. Izhevsk, 1998. *T. 3: Etnograficheskie ocherki. Kn. 1* [Vol. 3: Ethnographic essays. Book 1]. 311 p. In Russian.
- Vereshchagin G. E.** *Sobranie sochinenii: V 6 t.* [Collected works: in 6 vol.]. Izhevsk, 2001. *T. 4: Fol'klor. Kn. 1: Udmurtskii fol'klor* [Vol. 4: Folklore. Book 1: The Udmurt folklore]. 222 p. In Russian.
- Vladykina T. G.** *Udmurtskii fol'klor: problemy zhanrovoi evolyutsii i sistematiki* [The Udmurt folklore: problems of genre evolution and systematics]. Izhevsk, 1998. 356 p. In Russian.
- Vladykina T. G.** *Obrazy lesnykh dukhov v udmurtskoi mifologii i fol'klore: I. Nyulesmurt (lesnoi chelovek/leshii)* [Forest beings images in the Udmurt mythology and folklore: 1. Nyulesmurt (forest spirit)]. *Traditsionnaya kul'tura v izmenyayushchemsya mire: Materialy VIII Mezhdunarodnoi shkoly molodogo fol'klorista «Traditsionnaya kul'tura v izmenyayushchemsya mire» i seminara «Permistika: yazyk i stil' fol'klora»* [Traditional culture in the changing world: Proc. 8th Int. school of a young folklorist "Traditional culture in the changing world" and seminar "Permistika: folklore language and style"]. Izhevsk, 2009, pp. 24–30. In Russian.
- Goleva T. G.** *Mifologicheskie personazhi v sisteme mirovozzreniya komi-permyakov* [Mythological characters in the Komi-Permyak worldview]. Saint Petersburg: Mamatov Publ., 2011. 272 p. In Russian.
- Kazakova L. A.** *Predaniya o kladakh (po materialam fol'klornogo arkhiva PskovGU)* [Treasure legends (based on the materials of the Pskov State University folklore archives)].

Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki [Bulletin of the Pskov State University. Series: Social Sciences and Humanities]. 2013, no. 3, pp. 73–80. In Russian.

Karpova L. L. *Srednechepetskiy dialekt udmurtskogo yazyka. Obraztsy rechi* [The Middle Cheptsá dialect of the Udmurt language. Speech samples]. Izhevsk, 2005. 581 p. In Russian.

Kel'makov V. K. *Obraztsy udmurtskoi rechi: Severnoe narechie i sredinnye govory* [Udmurt speech samples: the northern dialect and middle subdialects]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1981. 300 p. In Russian.

Kel'makov V. K. *Obraztsy udmurtskoi rechi 3: Yuzhnye govory 1* [Udmurt speech samples 3: the southern subdialects 1]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2015. 424 p. In Russian.

Kotel'nikova N. E. *Sostav neskazochnoi prozy o kladakh i ee traditsionnaya obraznost' v zhanroobrazuyushchem otноshenii: Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [The composition of non-fairy prose about treasure and its traditional imagery concerning the genre forming. Extended abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1996. 19 p. In Russian.

Kotel'nikova N. E. *Stabil'nye povestvovatel'nye komponenty v neskazochnoi proze o kladakh* [Constant narrative components in the non-fairy prose about treasure]. *Russkii fol'klor: materialy i issledovaniya* [Russian folklore: materials and research]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 1999, vol. 30, pp. 215–229. In Russian.

Kotel'nikova N. E. «Eto klad popadal nam...» (Oblik klada v fol'klornoj proze) [“It was treasure that we came across...” (The image of treasure in the folk prose)]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture]. 2004, no. 3, pp. 56–62. In Russian.

Kotel'nikova N. E. *Normativy, svyazannye s obreteniem klada, v russkoi fol'klornoj proze* [Regulations associated with the seizure of treasure in the Russian folk prose]. *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremenniy mir* [Slavic traditional culture and the modern world]. Moscow, 2005, issue 8, pp. 75–81. In Russian.

Kotel'nikova N. E. *Tema razboinich'ikh kladov v narodnoi neskazochnoi proze* [The theme of the predatory treasure in the non-fairy folk prose]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture]. 2006, no. 4, pp. 55–65. In Russian.

Kotel'nikova N. E. *Kto okhranyaet klady?* [Who guards treasure?]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture]. 2009, no. 2, pp. 97–103. In Russian.

Kotel'nikova N. E. *Motiv nakazaniya za zhadnost' v fol'klornoj proze o kladakh* [The motif of punishment for greed in the folklore prose about treasure]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture], 2015, no. 4, pp. 82–89. In Russian.

Kotel'nikova N. E. *Kto klad kladet, a kto nakhodit (chelovek v russkikh fol'klornykh rasskazakh o kladakh)* [Who hides treasure, and who finds it (a human being in the Russian folk stories about treasure)]. *Demonologiya i narodnye verovaniya: Sb. nauchnykh statei* [Demonology and popular beliefs: Collection of scientific articles]. Moscow: Gos. respublikanskii tsentr russkogo fol'klora Publ., 2016, pp. 253–266. In Russian.

Levkievskaya E. E. *Klad* [Treasure]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar': V 5 t.* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols.]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1999. Vol. 2: D (Davat') – K (Kroshki) [Vol. 2: D (Davat') – K (Kroshki)], pp. 500–502. In Russian.

Levkievskaya E. E. *Klad* [Treasure]. *Slavyanskaya mifologiya: entsiklopedicheskii slovar'. A–Ya. Izd. 2-e, ispr. i dop.* [Slavic mythology: an encyclopedic dictionary. A–Ya. The 2nd edition, revised and augmented]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2011, pp. 227–228. In Russian.

Pervukhin N. *Eskizy predanii i byta inorodtsev Glazovskogo uezda. Sledy yazycheskoi drevnosti v obraztsakh ustnoi narodnoi poezii votyakov* [Sketches of folk legends and life of

the non-Russians living in the Glazovsky uyezd. Traces of pagan antiquity in the Votyak folk poetry]. Vyatka: Gub. tip. Publ., 1889. Sketch IV. 84 p. In Russian.

Pervukhin N. G. Opyt arkheologicheskogo issledovaniya Glazovskogo uyezda Vyatskoi gubernii [The experience of archaeological research of the Glazovsky uyezd of the Vyatka Governorate]. *Materialy po arkheologii vostochnykh gubernii Rossii* [Materials on archeology of the eastern governorates of Russia]. Moscow: Tip. E. Lissnera i Yu. Romana Publ., 1896, issue 2, pp. 13–127. In Russian.

Popova E. V. *Kul'tovye pamyatniki i sakral'nye ob'ekty besermyan* [Religious monuments and sacred objects of the Besermyan]. Izhevsk, 2011. 320 p. In Russian.

Prikazchikova Yu. V. *Istoricheskaya proza Vyatskogo kraja: Regional'naya spetsifika, motivy i obrazy: Dis. kand. filol. nauk* [Historical prose of the Vyatka region: Regional characteristics, motifs and images. Cand. philol. sci. diss.]. Izhevsk, 2002. 212 p. In Russian.

Prikazchikova Yu. V. *Ustnaya istoricheskaya proza Vyatskogo kraja: Materialy i issledovaniya* [Oral historical prose of the Vyatka region: Materials and research]. Izhevsk, 2009. 392 p. In Russian.

Strel'tsov F. Kladoiskateli [Treasure hunters]. *Izvestiya Sarapul'skogo zemskogo muzeya* [Proceedings of the Museum of Sarapul Zemstvo]. Moscow: Pechatnya S. I. Yakovleva Publ., 1914, issue 4, pp. 90–98. In Russian.

Strel'tsov F. Arkheologicheskie pamyatniki i paleontologicheskie nakhodki Votskoi Avtonomnoi Oblasti [Archaeological sites and paleontological findings of the Votyak Autonomous Oblast]. *Trudy Nauchnogo obshchestva po izucheniyu Votskogo kraja* [Proceedings of the Scientific society for the study of the Votyak region]. Izhevsk, 1927, pp. 61–80. In Russian.

Churakov V. S. «Belletristicheskaya» stat'ya N.G. Pervukhina [“Fictional” article by N. G. Pervukhin]. *Idnakar* [Idnakar], 2015, no. 3, pp. 157–222. In Russian.

Shutova N. I., Panina T. I. Moneta v lechebno-okhranitel'nykh obryadakh udmurtov [Coins in Udmurt healing and protective rites]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of Udmurt university]. 2016, vol. 26, no. 4, pp. 112–117.

Wichmann Y. *Wotjakische Sprachproben II: Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen*. Helsingfors, 1901. IV + 200 S. In German, Udmurt.

Munkácsi B. *Votják népköltészeti hagyományok*. Budapest: Kiadja a Magyar Tudományos Akadémia, 1887. 336 ol. In Hungarian.

Received 18.09.2017

Vladykina Tatiana Grigorievna,
Doctor of Sciences (Philology), Professor,
Udmurt Institute of History, Language and Literature
4, ul. Lomonosova, Izhevsk, 426004, Russian Federation
e-mail: tgvladykina@mail.ru

Panina Tatiana Igorevna,
Candidate of Sciences (Philology), Research Associate
Udmurt Institute of History, Language and Literature
4, ul. Lomonosova, Izhevsk, 426004, Russian Federation
e-mail: tipanina@mail.ru